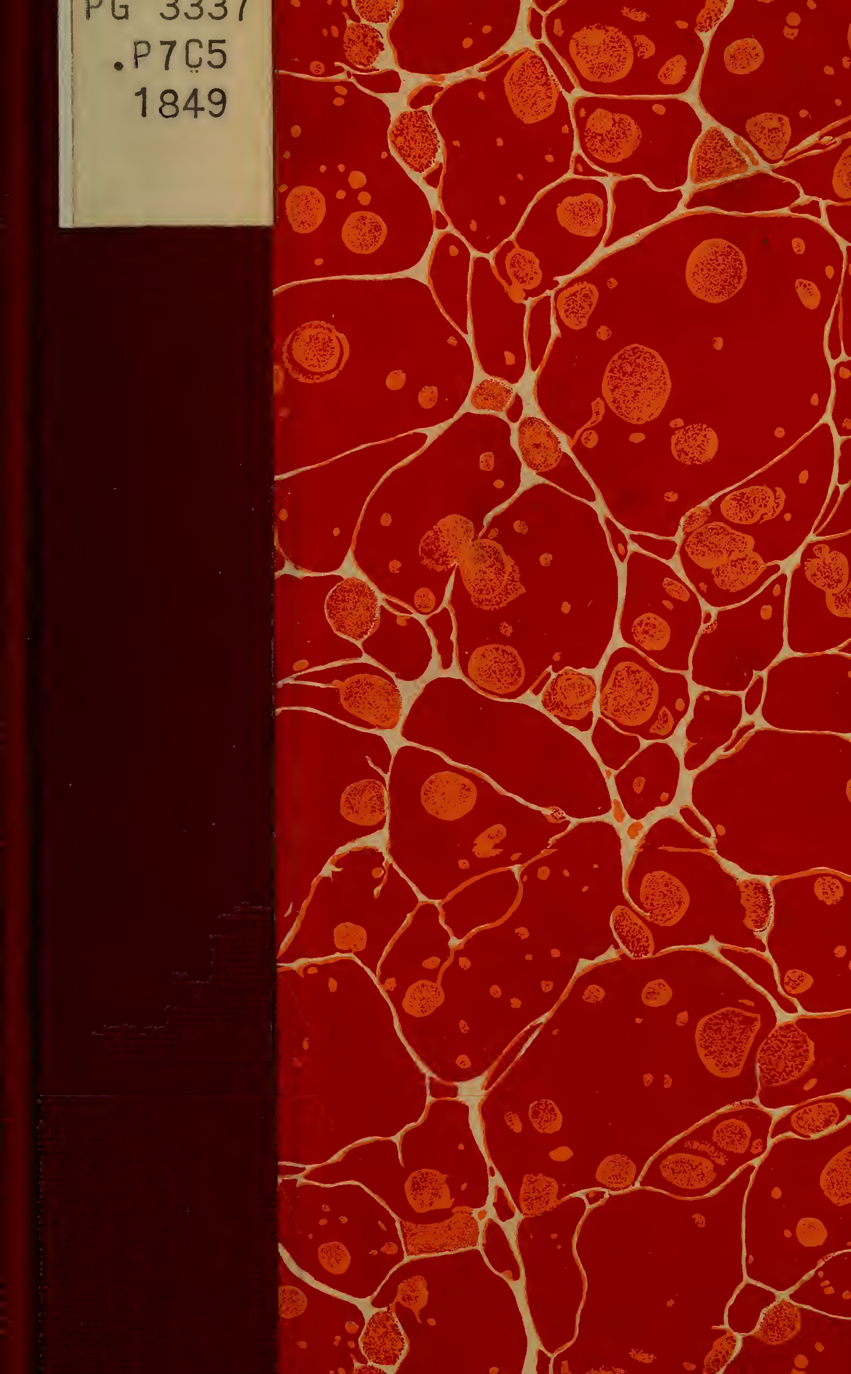

PG 3337
.P7C5
1849

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ.

Polezhaev, Aleksandr Ivanovich

Chasy vyzdorovleniia

ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Полежаева.

МОСКВА.

Въ Типографіи Алексѣя Евреинова

1842.

PG 3337
.P7 C5
1849

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 17 Іюня 1841 года.

Цензоръ *С. Куторга.*

А. П. Л......му.

ПРИ ПОСЫЛКИ РУКОПИСИ, ЧАСЫ ВЫЗДОРОВЛЕНІЯ, СТИХОТВОРЕНІЯ ПОЛЕЖАЕВА.

Ты хочешь, другъ, чтобы рука
Временъ прошедшихъ чудака,
Вооруженная перомъ,
Черкнула снова кой о чемъ!
Увы! старинной жаръ стиховъ,
И слѣдъ сатиръ и острыхъ словъ,
Изчезъ въ безумной головѣ,
Какъ слѣдъ Дріады на травѣ,
Иль запахъ розы молодой
Подъ недостойною пятой!

ВѢНОКЪ НА ГРОБЪ

ПУШКИНА.

Давно ль тебя Россія изъ недръ пустыни
полудикой,
Возвелъ для бытія и славы Петръ Великой
Какъ дѣву робкую на тронъ!
Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья
Съ улыбкою отца, любви и одобренья
твой полунощный небосклонъ!

Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ сво-
боды,
Онъ новые создалъ великіе народы;
Ихъ въ ризы новыя облекъ.
И ярко засіялъ, надъ Царскими орлами,
Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
Младой поэзіи вѣнокъ.....
Услыша зовъ Петра торжественный и громкій
Возникли: старина, грядущіе потомки,
И Кантеміръ и Ѳеофанъ;
И наконецъ, во дни величія и мира,
Взгремѣла и твоя торжественная лира,
Нашъ холмогорскій великанъ!
И что за лира: жизнь! ея златыя струны
Воспоминали вдругъ и битвы и перуны
Сто кратъ великаго царя,

И кроткія твои дѣла Елисавета!
И пѣли все они въ услышаніе свѣта.
Подъ смѣлой дланью рыбаря
Открылась для ума невѣдомая сфера;
Любовь во все прекрасное зажглась,
И счастія заря, роскошно и привѣтно,
До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной,
Отъ водъ Балтійскихъ разлилась!
Посѣяли тогда изящныя искуства,
Въ груди богатырей возвышенныя чувства;
Окрѣпъ полміра властелинъ;
И обрекли его, въ воинственной державѣ,
Безсмертію вѣковъ, незакатимой славѣ,
Петровъ, Державинъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимой
Сынъ революцій Бонапартъ,
Вознесъ рукой непобѣдимой
Трехъ—цвѣтный Франціи штандартъ,
Когда подъ сѣнь его эгиды,
Склонились робко пирамиды
И дома куполъ золотой;
Когда смущенная Европа
Въ волнахъ кроваваго потопа
Страдала подъ его пятой;
Когда отважный, внѣ законовъ
Какъ повелительное зло,
Онъ діадимою Бурбоновъ
Украсилъ дерзкое чело;
Когда, лѣтая надъ землею,

Его орлы, какъ будто мглою
Мрачили день и небеса;
Когда воинственные хоры
И гимны звучные пѣвцовъ
Ему читали приговоры
И одобренія вѣковъ;
И въ этомъ гулѣ осужденій,
Хулы, вражды, благословѣній
Гремѣлъ, гремѣлъ—какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманной
Твой дивный голосъ—о Байронъ!....
Тогда, тогда съ садахъ—лицея,
Какъ юный Русскій соловей,
Весенней жизнью пламенѣя.
Разцвелъ нашъ дивный Корифей!

И гармоническіе звуки,
Его младенческія руки
Умѣли рано исторгать;
Шутя перомъ, играя съ лирой
Онъ Оссіановой порфирой
Хотѣлъ, казалось, обладать!
Онъ росъ, какъ пальма молодая
На Іорданскихъ берегахъ,
Главу высокую скрывая
Въ ему знакомыхъ облакахъ!
И другъ волшебныхъ сновидѣній,
Онъ понялъ тайну вдохновеній;
Возсталъ, какъ новая стихія,
И изумленная Россія
Узнала гордый свой языкъ!

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ него внимало;
Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
Своей поэзіи нагой.
Невинна и смѣла таинственная дѣва,
Отважному ему, позволила безъ гнѣва
Себя обвить его рукой;
И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
По лаковымъ паркe блистательнаго круга
Князей, вельможъ;.....
Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ
И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
Мѣняя истину на ложь!

Смягчала иногда, какъ геній лучезарной,
Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
Была въ тоскѣ и на пирахъ,
И никогда, нигдѣ его непокидала;
Какъ милое дитя задумчиво играла
Или волной его кудрей
Иль блѣдное чело объятое мечтами
Любила украшать, небрежными перстами
Вѣнокъ изъ лавровъ и лилей!
И были времена: унылой и печальной,
Прощался иногда, онъ съ музой геніальной;
Искалъ покоя, тишины;
Но и тогда, какъ духъ приникнувъ къ изго-
ловью
Она съ небесною любовью
Дарила неземные сны!

Когда же утомясь минутнымъ упоеньемъ
Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ на-
слажденьемъ
Всегда юна, всегда свѣтла
Красавица земли—она смыкала очи
То было на цвѣтахъ—а ихъ во мракѣ ночи,
Для ней рука его рвала.
И въ эти времена невидимая Кліо
Слетала къ своему любимцу горделиво
Съ дивной повѣстью вѣковъ;
И пѣлъ великій мужъ, великія побѣды;
И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты поэтъ народный,
Величавый благородный
Какъ широкій океанъ;
И могучій и свободный
Какъ суровый ураганъ!
Отъ чего же голосъ звучный,
Голосъ съ славой неразлучной,
Своенравной и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
Охладѣлою душой;
Не владѣетъ нашей думой,
То отрадной, то угрюмой,
По внушенью твоему!
Не всегда ли безотчетно,
Добровольно и охотно

Покорялись мы ему!
О такъ, о такъ пѣвецъ Людмилы и Руслана,
Единственный пѣвецъ волшебнаго фонтана,
Земфиры, Невскихъ береговъ;
Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ,
Ты мчалъ насъ, уносилъ по лику водъ мятежныхъ
Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ;
И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ!
Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ—
И вдругъ поражены невольнымъ содраганьемъ.
Высоко надъ главой Поэзіи печальной,
Вознесся не вѣнокъ—но факелъ погребальной:

И Пушкинъ: трупъ! и Пушкинъ прахъ!
Онъ прахъ! довольно! прахъ и прахъ непробудимый!
Угасъ и навсегда мильонами любимый
Державы сѣверной Боянъ!
Онъ новыя пріялъ; нетлѣнныя одежды
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ!

V.

ГИМНЪ СМЕРТИ.

» Свершилось! дивный геній,
» Свершилось! славный мужъ,
» Незабвенныхъ пѣснопѣній
» Отлетѣлъ въ страну видѣній,
» Съ лона жизни въ царство душъ.

» Пиръ унылой и послѣдній
» Онъ окончилъ на землѣ;
» Но безчувственный и блѣдный
» Носитъ онъ вѣнокъ побѣдный
» На возвышенномъ челѣ.
» О взгляните, какъ свободно
» Это гордое чело!
» Какъ оно въ толпѣ народной,
» Величаво благородно,
» Новой жизнью разцвѣло.
» Если гибельнымъ размахомъ
» Безпощадная коса,
» Незнакомаго со страхомъ
» Уравнять умѣла съ прахомъ,
» То узрѣлъ онъ небеса!
» Тамъ подъ сѣнію Благаго,

» Милосердаго Творца,
» Безъ печальнаго покрова,
» Встрѣтятъ жителя земнаго,
» Знаменитаго пѣвца!
» И Святое Провидѣнье
» Слово мира изречетъ;
» И небесное прощенье,
» Какъ земли благословѣнье,
» На главу его сойдетъ.....
» Тогда какъ духъ безплотной, величавой
» Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
» Увидитъ яркій, свѣтлый день;
» И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ,
» Мильонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
» Его торжественная тѣнь!
» И окружитъ ее надъ облаками,

» Тѣней, давно прославленыхъ вѣками,
» Необозримой легіонъ:
» Петрарко, Тассъ, Шенье, добыча казни,
» И руку ей, съ улыбкою пріязни
» Подастъ задумчивый Байронъ.
» И между тѣмъ, когда въ Россія изумленной
» Оплакали тебя и старой и младой,
» И совершили долгъ послѣдній и священный,
» Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой;
» И блѣдная, въ слезахъ, въ печали безо-
традной
» Поэзія груститъ, надъ урною твоей;
» Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый-славы жад-
ной,
» О Пушкинъ! преклонивъ колѣно передъ
ней!

» Душистые вѣнки, великіе поэты
» Готовятъ для нее, второй Анакреонъ,
» Но вѣрю я: и мой, въъ волнахъ суровой
Леты,
» Съ рожденіемъ его, не будетъ поглащенъ;
» На пеплѣ золотомъ, угаснувшей кометы
» Не смѣлою рукой, онъ съ чувствомъ поло-
женъ!

УТѢШЕНІЕ.

» Надъ лирою твоей, разбитою но славной
» Зажглась и горитъ прекрасная звѣзда!
» Она облечена щедротою державной,
» Великодушнаго Царя!

ЭНДИМІОНЪ.

═

Ты спалъ о юноша, ты спалъ
Когда она богиня скалъ,
Лѣсовъ и нѣги молчаливой,
Томясь любовью боязливой,

Къ тебѣ прекрасна и свѣтла
Съ Олимпа мрачнаго сошла.
Когда одна, никѣмъ незрима
Тиха, безмолвна, недвижима
Она стояла предъ тобой,
Какъ цвѣтъ надъ урной гробовой;
Когда, безъ тайнаго укора,
Она внимательнаго взора
Съ тебя, какъ съ чистаго стекла
Свести, красавецъ, немогла!
И сладость робкихъ ожиданій,
И пламень дѣвственныхъ желаній,
Дышали жизнью бытія
Въ груди трепещущій ея!
Ты спалъ! но страстное лобзанье
Прервало сна очарованье:

Ты очи черные открылъ,
И юный, смѣлый, полный силъ,
Подъ тѣнью миртоваго лѣса,
Предъ юной дщерію Зевеса
Склонилъ колѣно и чело!
Счастливый юноша, свѣтло!
Рѣдѣетъ ночь, алѣетъ небо!
Смотри, предшественница Ѳеба,
Открыла розовымъ перстомъ
Врата на сводѣ голубомъ!
Смотри! но блѣдная Діана,
Въ прозрачномъ облакѣ тумана
Безъ лучезарнаго вѣнца,
Уже спѣшитъ въ чертогъ отца,
И снова ждетъ въ тоскѣ ревнивой
Покрова ночи молчаливой.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Чудесный видъ! волшебная краса!
Бѣлы какъ день земля и небеса!
Вдали, кругомъ, холодная, нѣмая
Вездѣ одна равнина снѣговая,
Вездѣ одинъ безбрежный океанъ,
Окованный зимою великанъ!
Все ночь и блескъ! ни облака ни тучи
Не пронесетъ по небу вихрь летучій,
Не потемнитъ воздушнаго стекла;
Природа спитъ уныла и свѣтла.
Чудесный видъ! волшебная краса!
Бѣлы какъ день земля и небеса!

II.

Великій градъ на берегахъ Неглинной,
Святая Русь, подъ мантіей старинной

Москва, пріютъ радушной доброты,
Тревогой дня утомлена и ты!
Покой и миръ на улицѣ столицы;
Еще кой гдѣ мелькаютъ колесницы,
Во весь опоръ безъ милости гоня
Извощикъ бьетъ еще кой-гдѣ коня;
На пустыряхъ и крикъ и разговоры
И между тѣмъ безсонные дозоры.
Чудесный видъ! волшебная краса!
Бѣлы какъ день земля и небеса!

III.

За чѣмъ же ты, невинное дитя,
Такъ рѣзво день минувшій проведя,
Между подругъ примѣрно-благонравныхъ,
Теперь одна, въ мечтаньяхъ своенравныхъ,

Проводишь ночь печально у окна!
Но что я? нѣтъ! ты, вижу, не одна:
Мнѣ зоркій глазъ, мнѣ свѣтъ твоей лампады
Не измѣнитъ! ахъ! ахъ! твои наряды
Упали съ плечь! дитя мое Адель!
Чудесный видъ! волшебная краса!
Бѣлы какъ день земля и небеса!

КОГДА-ТО.

═

Когда-то, много кой чего
Она съ улыбкой мнѣ сулила;
И послѣ, чтоже? ничего?
Какъ всѣмъ, съ улыбкой измѣнила!

II.

Когда-то съ ней наединѣ,
Мечтой волшебной упоенный,
Я предавался, весь въ огнѣ,
Порывамъ страсти изступленной.

III.

Когда-то дерзкая рука
Играла черными кудрями,
И осѣняли смѣльчака
Тѣ кудри—пышными роями.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ

ОДНОГО СТИХОТВОРЦА

═

Два дня, двѣ ночи онъ писалъ,
На третью наконецъ усталъ,
Уснулъ—и что жъ? о удивленье!
Окончилъ сонный сочиненье!

Вдругъ видитъ онъ
Престрашный сонъ:
Что будто демонская сила
Со всѣхъ сторонъ
Его въ постели окружила!
И будто самъ верховный бѣсъ,
Мохнатый,
Кака уголь черный и рогатый,
Подъ занавѣсъ
Къ нему залѣзъ!
Вотъ онъ встаетъ, творитъ молитву—
И вызвалъ демона на битву.
Не знаю, долго или нѣтъ
Продлилось грозное явленье;
Но только выигралъ поэтъ
Великое сраженье!

Всю крѣпость мышцъ своихъ собралъ
И чорта бѣднаго на части разорвалъ.
Но съ кѣмъ онъ имянно сражался?
Ужель никто не отгадалъ!
Ему нечистымъ показался,
Его стиховъ оригиналъ!
Что, еслибы въ жару подобныхъ сновидѣній
Кончались точно такъ
И многія изъ Русскихъ сочиненій?
Но нѣтъ! уменъ лукавый врагъ,
И въ этой жизни онъ никакъ
Не хочетъ насъ оставить безъ мученій.

ПѢСНЯ.

Долголь будетъ вамъ безумолку идти
Проливные безотрадные дожди?
Долголь будетъ вамъ увлаживать поля,
Осушится ль скоро мать сыра земля,

Тихій вѣтеръ свѣжій воздухъ растворитъ
И въ дубровѣ соловей заголоситъ?
И придетъ ко мнѣ мила и хороша
Юный другъ, красна-дѣвица душа?

Соловей мой, соловей,
Ты отъ бури и дождей,
Ты отъ пасмурныхъ небесъ
Улетѣлъ въ дремучій лѣсъ!

Ты не свищишь, не поешь,
Солнца яснаго ты ждешь!
Дѣва, дѣвица моя,
Ты отъ бури и дождя
И печальна и грустна
Въ терему схоронена!
Къ другу милому нейдешь,
Солнца яснаго ты ждешь!

Перестаньте же безъумолку идти
Проливные, безотрадные дожди!
Дайте ведру, дайте солнцу проглянуть!
Пусть, какъ прежде, и прекрасна и пышна
Воцарится благотворная весна,
Разольется въ звонкой пѣсни соловей:
И я снова, сладострастнѣй и звучнѣй,
Разцѣлую очи дѣвицы моей.

И.....ѣ А.....ѣ Я......й.

=

Къ чему вамъ служитъ умъ, когда вы такъ
прекрасны?
Зачѣмъ вамъ красота—когда вы такъ умны?
И умъ и красота природой вамъ даны;
Скажите жъ для чьего вы сердца неопасны?

К. . . . на.

═

Какъ обольстительна, прекрасна
О дѣва! ты для всѣхъ очей!
Какъ ты безъ пламенныхъ рѣчей,
Краснорѣчиво, сладострастна!
Для надежды и любви
Ты создана очарованьемъ.

Сама любовь, своимъ дыханьемъ,
Зажгла огонь въ твоей крови!
Свѣжѣе розы благовонной
Уста румяные твои;
Лилейный пухъ твоей груди
Трепещетъ нѣгой благосклонной.
И этой ножки бѣлизна,
И эта темная волна
По лоску бархатнаго тѣла;
И этотъ станъ зыбучій, смѣлый,
Соблазнъ и взора и руки—
Манятъ и мучатъ и терзаютъ
Смертельный ядъ моей тоски!
Друзья мои! я своевольно
Хочу вездѣ имѣть друзей—
Хоть другъ, предатель и злодѣй

Одно и тоже! очень больно,
Но такъ и быть, друзья мои!
Я вижу часто эту Пери;
Она моя! замки и двери
Меня не разлучаютъ съ ней!
И днемъ и позднею порою,
Въ кругу завѣтномъ и одинъ,
Любуюсь я, какъ властелинъ
Ея волшебною красою!
Могу лобзать ее всегда
Въ чело, и въ очи, и въ уста.
Счастливецъ! скажите вы мнѣ.
Напрасно. Все мое блаженство,
Все милой дѣвы совершенство
И вся она—на полотнѣ!

КЪ НАБѢЛЕНОЙ

КРАСАВИЦѢ.

Я говорилъ вамъ и не разъ,
Скажу опять—вы милы!
Особенно когда у васъ
Не въ милости бѣлилы!

Къ чему невинная рука,
Рабыня вялой моды,
Таитъ и крадетъ два цвѣтка
Любимые природы?
Давно ли яркой бѣлизнѣ,
Нерадующей взоры,
Придать позволено веснѣ
Генварскіе узоры!
Ужели ландышь снѣговой
И роза Гулистана
Ростутъ по волѣ роковой
Искуства и обмана?
О нѣтъ! отрада соловья
Красавица Востока
Не перемѣнитъ бытія,
Изъ прихоти жестокой,

Влюбленной въ ландышь и себя
Шалуньи черноокой!
Глаза вѣдь зеркало души—
(Преданья вѣковыя)
У васъ прекрасны, хороши
Какъ стрѣлы огнѣвыя!
Но цвѣтъ лица—другое онъ
Достоинство имѣетъ!
Всѣ тайны сердца, безъ препонъ,
Онъ высказать умѣетъ!
Тоска любви, надежды лучь,
Невинное желанье—
Все видно въ немъ, какъ изъ за тучь
Блестящее сіянье!
Зачѣмъ же пышные цвѣты
У васъ завѣсою тоски,

Безжалостно прикрыты?
О разлюбите этотъ цвѣтъ
Онъ страсти не обманетъ;
Иль поцѣлуемъ васъ поэтъ
Невольно разрумянитъ!

ГЛАЗА.

Нелѣпость вѣрить и всему
И безъ понятія и слѣпо:
Недумъ, не вѣря ничему
Опровергаетъ все нелѣпо.
Скажите первому шуту,
Что муха носъ ему откуситъ,

При этой новости онъ струситъ,
И вамъ повѣритъ какъ дитя!
Спросите дружески Недума:
Счастливъ ли онъ своей женой?
И не скрываетъ ли, безъ шума,
Ея фантазіи, какъ другой?
Онъ вамъ отвѣтитъ. « О напрасно,
Я ею счастливъ и богатъ! »
А между тѣмъ давно ужь гласно,
Что онъ невыгодно женатъ!
Противорѣчіе во мнѣньяхъ
Оригинальный ихъ девизъ!
И тоже самое въ явленьяхъ,
Большаго свѣта и кулисъ!
Одинъ живетъ слѣпою вѣрой
Въ чужія мысли и дѣла;

Другой скептическою мѣрой
Опредѣляетъ цѣну зла!
И тотъ и этотъ безъ ошибки
Судить готовы обо всемъ;
И кромѣ горестной улыбки
Надъ ихъ мечтательнымъ умомъ
Они все видятъ и покойны!
Такъ странникъ въ жаркій лѣтній день,
Встрѣчаетъ ключь въ пустынѣ знойной
И пальмы сладостную тѣнь!
И кто узналъ гдѣ нашъ Іуда?
Когда обрушится—откуда
Неизбѣжимая гроза?
А для того имѣть не худо
Свои хоть слабые глаза.

ПРОЩАНІЕ.

И такъ прощайте! скоро, скоро
Переселюсь я наконецъ,
Въ страну такую, изъ которой
Не возвратился мой отецъ!

Не жду отъ васъ ни сожалѣнья,
Не жду ни слезъ, мои друзья!
Враги мои, увѣренъ я,
Вы также съ чувствомъ сожалѣнья
Во гробъ уложите меня!
Удѣлъ весьма обыкновенный!
Когда же въ очередь свою
И вамъ придется, непремѣнно,
Сойти въ хоронову ладью,
Чтобъ отыскать въ рѣкѣ забвенья
Свои нещастныя творенья,
То вѣрьте милые и васъ
Проводятъ съ смѣхомъ, въ добрый часъ!
Болѣзнью тяжкой изнуренныхъ
Я видѣлъ много разныхъ лицъ:
Сѣдыхъ ханжей, сѣдыхъ дѣвицъ,

мужей и мудрыхъ и почтенныхъ.

Увы! грѣховнаго плода
Они вкушали неизбѣжно,
И отходили безмятежно
Ни кто невѣдаетъ куда!
Холодный зритель улыбался,
Лукавый родственникъ смѣялся,
Сатира, колкимъ языкомъ,
Объ нихъ минуты двѣ судила,
Потомъ холодная могила,
На вѣкъ безчувственнымъ пескомъ
Ихъ трупы хладные прикрыла!

УЗНИКЪ.

═

I.

За рѣшеткою, въ четырехъ стѣнахъ,
Думу мрачную и любимую
Вспоминалъ молодецъ, и въ такихъ словахъ
Вырожалъ онъ грусть нестерпимую.

II.

Охъ! ты жизнь моя молодецкая!
Отъ меня ли жизнь убѣгаешь ты,
Какъ бѣжитъ волна Москворѣцкая
Отъ широкихъ стѣнъ каменной Москвы.

III.

Для кого же недоброхотная,
Противъ воли я часто ратовалъ
Ночь красавица беззаботная
День обманчивый я васъ радовалъ!

IV.

Кто видалъ когда на лихомъ конѣ
Проносился я степью знойною,
Какъ сдружился я, при сѣдой лунѣ
Съ смертью раннею безпокойною.

V.

Какъ таинственно заговаривалъ
Пулю вѣрную и мятелицу,
И приласкивалъ и умаливалъ
Ненаглядную красну—дѣвицу.

VI.

Штофы, бархатъ, ткани цвѣтныя
Саблей острой ей отмѣривалъ,
И заморскія вина свѣтлыя
Въ чашахъ недруговъ послѣ пѣнивалъ.

VII.

Знали всѣ меня—знали старъ и младъ
И широкій долъ и дремучій лѣсъ,
А теперь на мнѣ кандалы гремятъ,
Вмѣсто пѣсенъ я слышу звукъ желѣзъ.

VIII.

Воля волюшка драгоцѣнная
Появись ты мнѣ несчастливому,
Благотворная, обнавленная—
Не отдай судьѣ справедливому!

IX.

Такъ онъ молодецъ, въ четырехъ стѣнахъ
Стражѣ передалъ мысль любимую,
Излилась она—замерла въ устахъ
И кто понялъ грусть нестерпимую?

ПѢСНЯ.

Разлюби меня, покинь меня
Доля долюшка желѣзная!
Опротивѣла мнѣ жизнь моя
Молодая безполезная!

Не припомню я счастливыхъ дней—
Не знавалъ я ихъ съ младенчества!
Для измученной души моей
Нѣтъ въ подсолнечной отечества.
Слышалъ я, что будто Божій свѣтъ
Я увидѣлъ съ тихимъ ропотомъ,
А потомъ житейскихъ бурь и бѣдъ
Не избѣгнулъ съ горькимъ опытомъ:
Рано, рано ознакомился
Я на морѣ съ непогодою,
Поздно, поздно приготовился
Въ бой отчаянный съ невзгодою!
Закатилась звѣзда моя,
Та ль звѣзда моя туманная,
Что слѣдила завсегда меня
Какъ невѣста нежеланная!

Не ласкала, не лелѣяла,

Какъ любовница завѣтная;

Только холодно обвѣяла

Какъ измѣнница всесвѣтная.

Кар[illegible]а.

Когда въ послѣдній разъ безчувственныя
вѣжды
Сонъ вѣчный тихо осѣнитъ,
То облачаютъ трупъ въ печальныя одѣжды
И въ гробѣ роковомъ ничто не говоритъ.

Кого скрываетъ онъ подъ черной пеле-
ною?
Лишь руки на груди лежащія крестомъ,
Колѣна, голова рисуемыя стройно
Прозрачно тонкимъ полотномъ
Вѣщаютъ въ тишинѣ, что гость его по-
койной
Былъ нѣкогда съ душой! Такъ точно и
Волканъ,
Какъ будто удрученъ печалію нѣмою,
Помпею облачилъ въ дымящійся туманъ
И скрылъ ея чело, подъ лавой огневою!
И гдѣ величіе погибшей красоты!
Все пепелъ, камень, прахъ! Все истребили
Боги!
Кой гдѣ, освободивъ главу отъ пылкой
тоги,

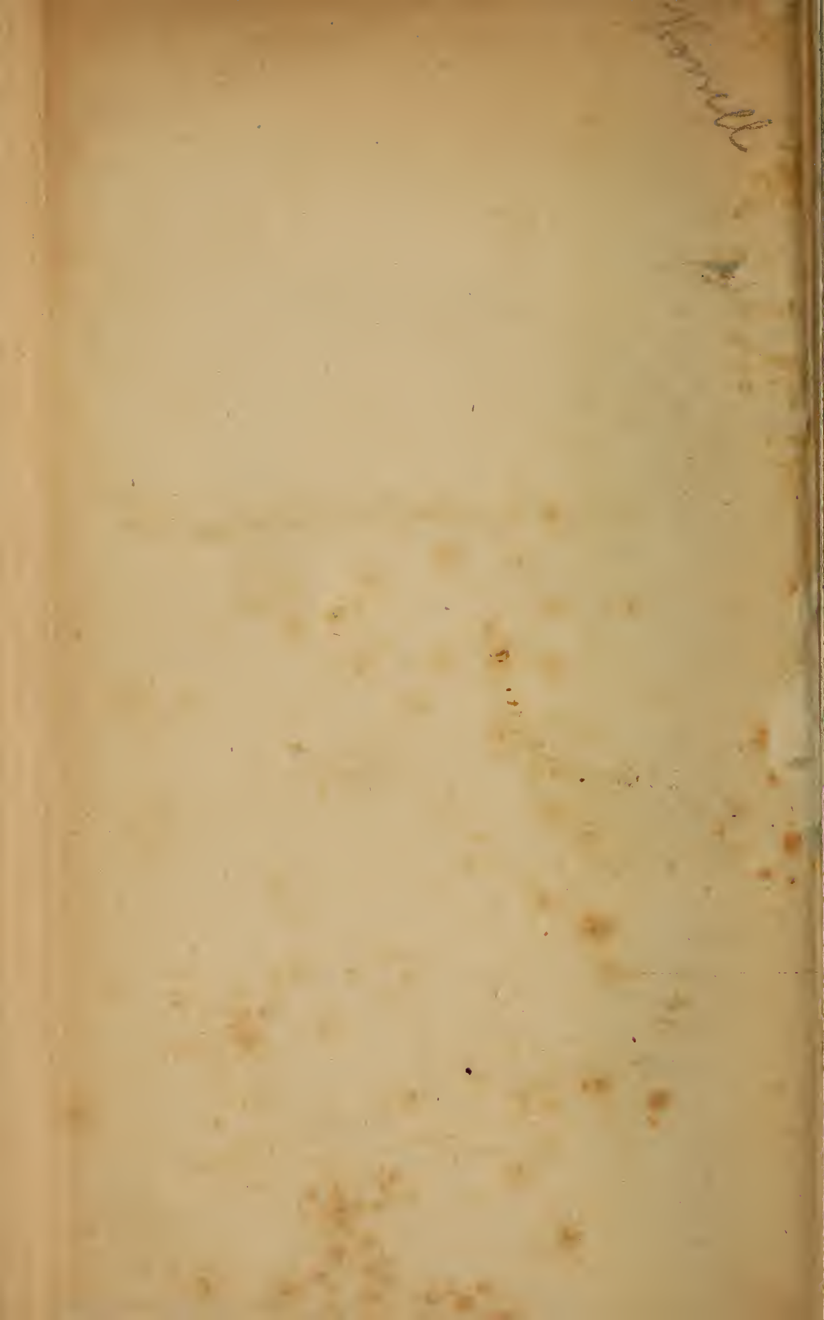
Разбитый храмъ—унылыя мечты—
Наводитъ и гласитъ, какъ голосъ Эпопеи
Здѣсь прахъ Помпеи.

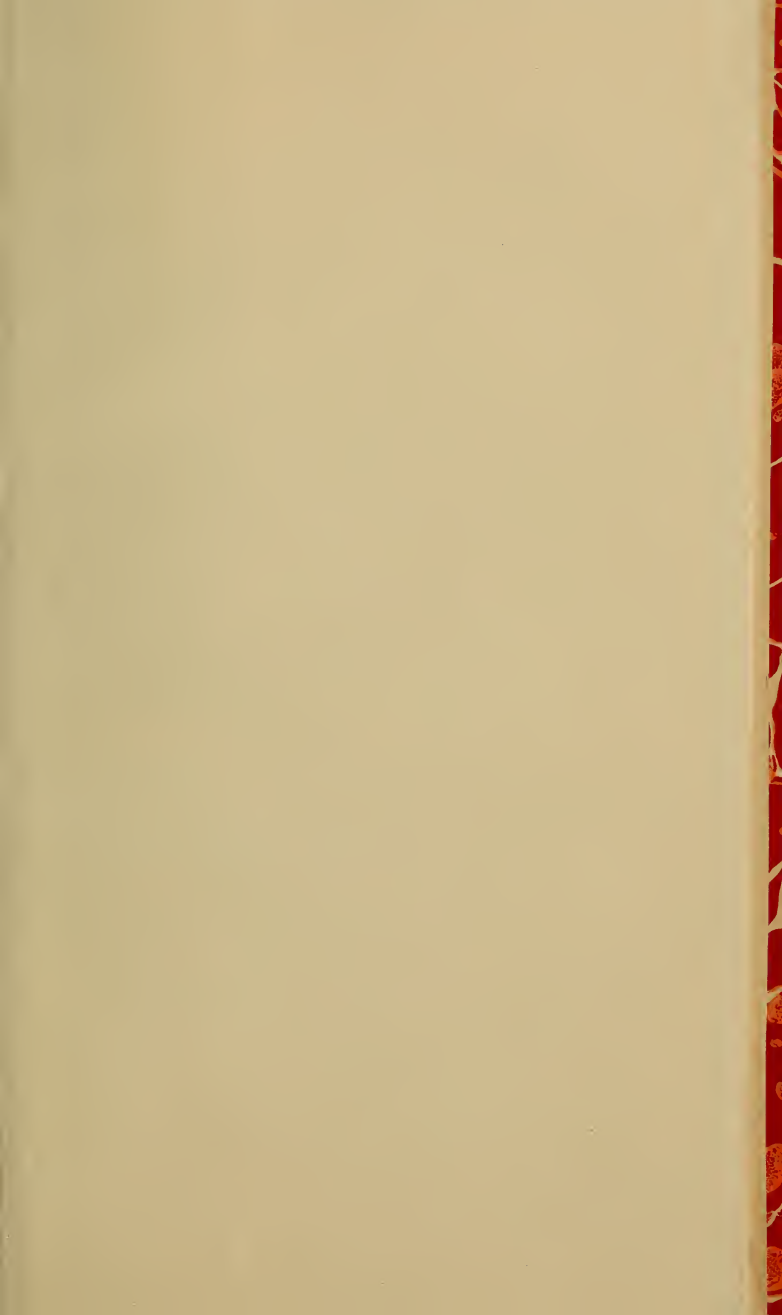
КОНЕЦЪ.

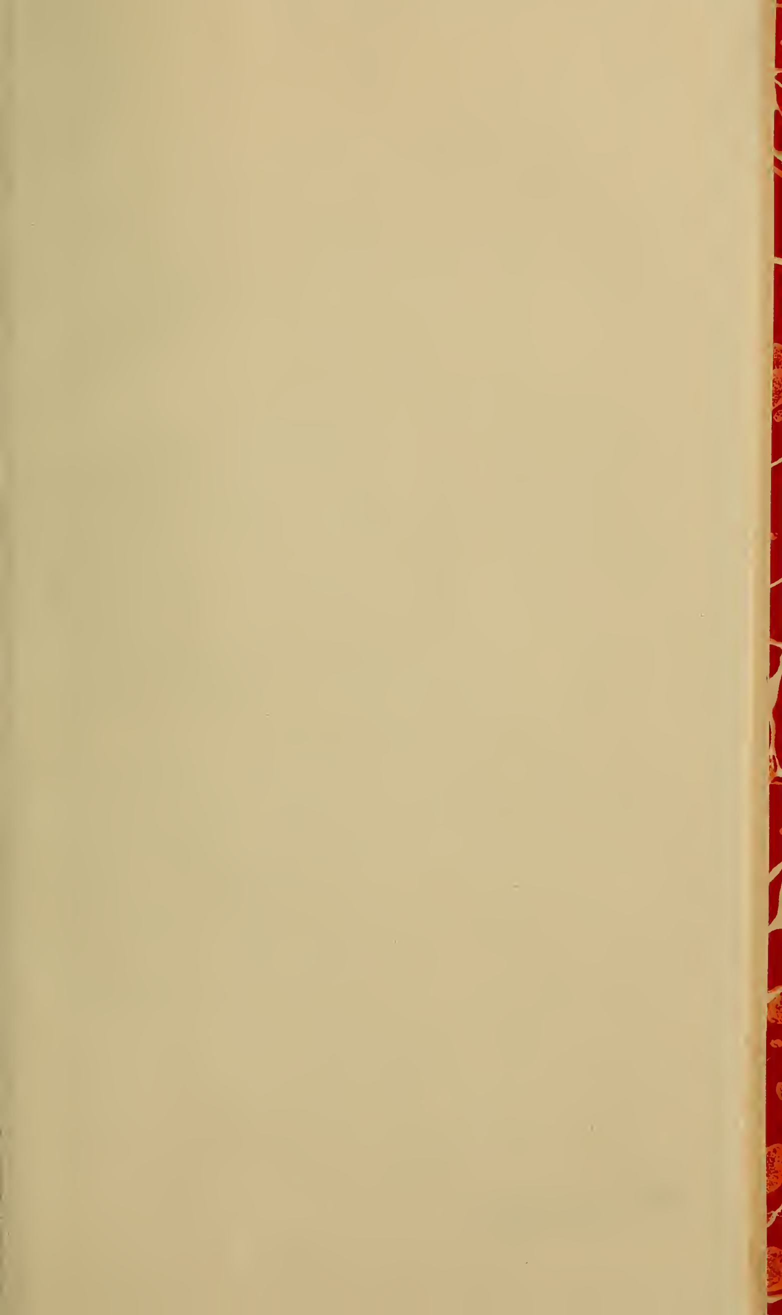
Оглавленіе.

Стран.

Стран.

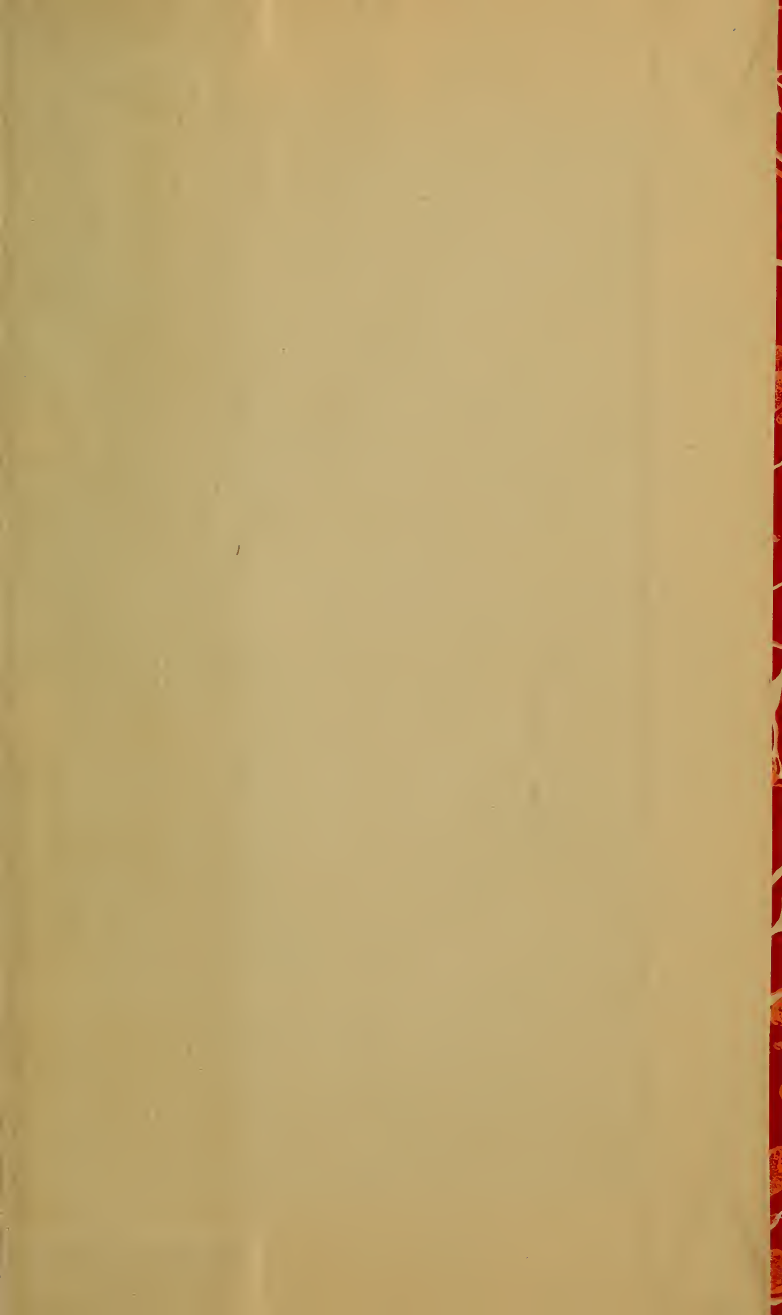

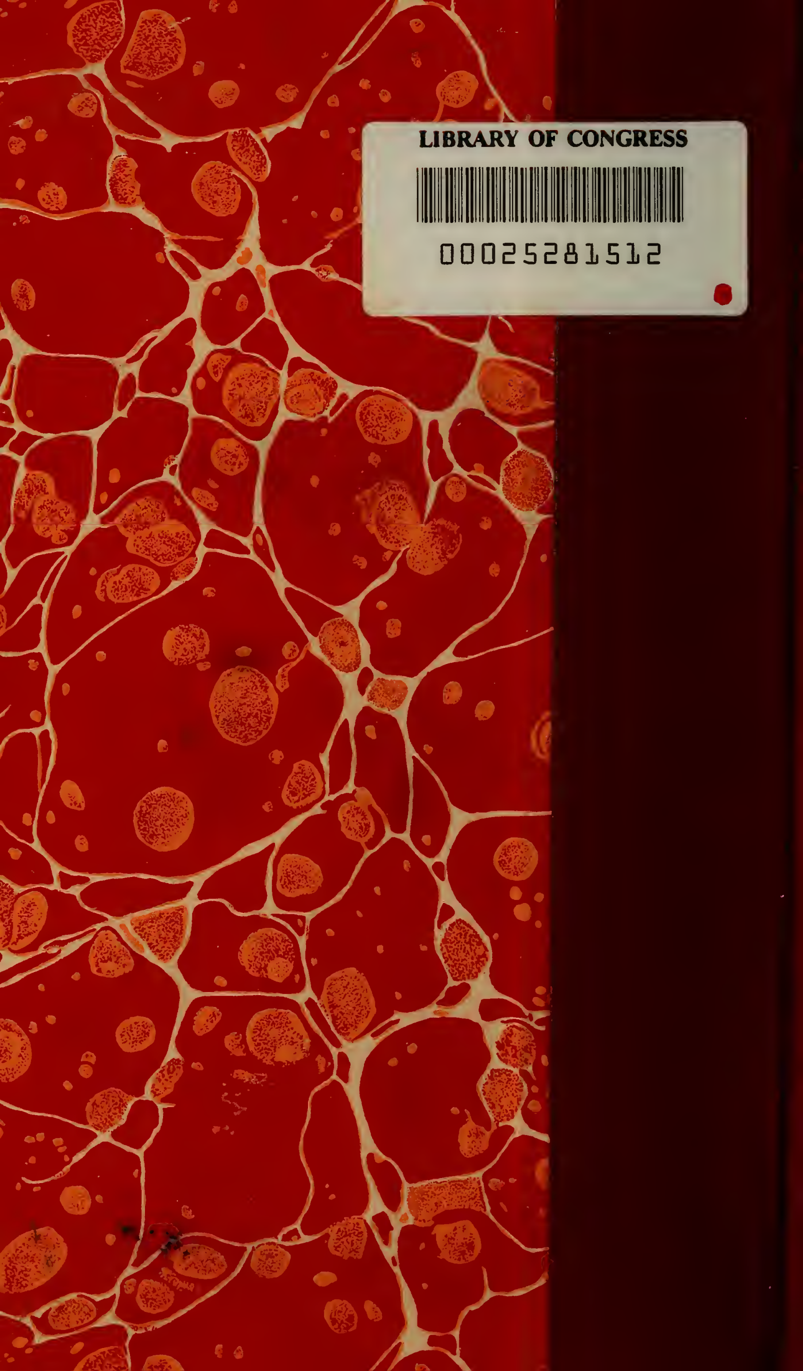

NOV -0 1942

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive

LIBRARY OF CONGRESS
00025281512